

зная о том, что в старину существовал обычай обметать троицкими цветами могилы родителей, можно понять текст Пушкина: слезы вызваны воспоминаниями об умерших родителях¹. Поэтому значение слова *зара* можно бы определить примерно так: «любисток — травянистое растение с желтоватыми цветами, лучками которого в троицы день, по народному обычаю, обметали могилы родителей».

В статье *камергерский* фразеологическое сочетание *камергерский ключ* объяснено: «отличительный знак звания камергера — ключ на голубой ленте» и иллюстрировано цитатой: «В себе все блага заключая, Ты наконец к ключам от рая Привяжешь камергерский ключ» («Послание к А. И. Тургеневу»). Объяснение это следовало бы уточнить и, расширив, сформулировать так: «Отличительный знак звания камергера — золотой ключ на голубой ленте, прикрепленной к пуговице на левой фалде мундира». Только такое (или подобное) толкование раскроет читателю смысл шутивных стихов Пушкина в письме к Вяземскому («Любезный Вяземский, поэт и камергер...»).

Значение слова *монастырка* истолковано: «воспитанница Смольного монастыря в Петербурге (где воспитывались девушки-дворянки)» и иллюстрировано цитатой: «Не любить деревня простительно монастырке, только что выпущенной из клетки» («Роман в письмах»). Из этого объяснения читатель может понять, что монастырками называли девушек-дворянок, воспитывавшихся в монастыре монахинями, как это практиковалось в Западной Европе. Но в России такого обычая не было. Пушкин говорит о воспитаннице Смольного института в Петербурге. Институт этот, учрежденный в 1764 г. (официальное название его было: «Императорское воспитательное общество благородных девиц»), первоначально помещался в здании, начатом постройкой при Елизавете Петровне (на месте бывшего при Петре I «Смольного двора») и предназначавшемся для женского Смольного монастыря. Здание, законченное при Екатерине II, было приспособлено для Института. Желая все же исполнить и волю Елизаветы Петровны, Екатерина основала небольшую общину монахинь, поместив ее в том же здании, но совершенно обособленно от Института. В 1808 г. институт был переведен в новое здание (постройки Кваренги), где и находился до Октября 1917 г. Тем не менее в быту институт часто называли «Смольным монастырем» и за воспитанницами его укрепилось название «монастырок» (или «смолянок»)². Поэтому значение слова «монастырка» следовало бы определить так: «воспитанница петербургского Смольного института (где воспитывались девушки-дворянки), в быту называвшегося Смольным монастырем».

Попутно отмечу, что в статье *монастырь* не указано одно из значений этого слова: «закрытое женское учебное заведение при католическом монастыре». Именно такое значение это слово имеет в 1-й главе повести «Арап Петра Великого», где говорится о французской графине Д.: «17 лет, при выходе ее из монастыря, выдали ее за человека, которого она не успела полюбить...»

Все сделанные замечания о неполноте и неточности толкований слов в некоторых статьях второго тома несколько не могут умалять его несомненных достоинств.

Н. С. Ашукин

С. С. Майзель. *Изафет в турецком языке*. Ред., предисл. и примеч. А. Н. Ковонова. — М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957. 186 стр. (Ин-т востоковедения АН СССР).

Во всех тюркских языках, и в турецком в том числе, имеются «однотипные определительные словосочетания имен существительных, которые в турецких грамматиках принято называть арабским термином *изафет*». Подробное специальное исследование определительных, или *изафетных*, словосочетаний в турецком языке появляется впервые, и в этом несомненная заслуга безвременно скончавшегося С. С. Майзеля.

Во «Введении» (стр. 7—9) автор сообщает, что исследование *изафетных* словосочетаний он ограничивает рамками современного турецкого языка и воздерживается от «сравнения с аналогичными явлениями в других тюркских языках» (стр. 9); в методи-

¹ Об обычае обметать в Троицын день «гробы родителей, чтобы прочистить им глаза» Пушкин рассказывал этнографу И. М. Снегиреву (Н. О. Лернер, Заметки о Пушкине, «Пушкин и его современники. Материалы и исследования», вып. XVI, СПб., 1913, стр. 47). Об этом же обычае упоминает П. П. Мельников в романе «В лесах», ч. IV, гл. 1.

² См. Н. П. Черепнин, Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764—1914, т. I, СПб., 1914, стр. 66, 72—75 и сл.; В. П. Быков в а. Записки старой смолянки. 1833—1878, ч. 1, СПб., 1898, стр. VII. В ВСЭ² (т. 39) дано неправильное сведение о том, что Институт был открыт при Смольном Воскресенском женском монастыре. Как уже сказано, институт ничего общего с монастырем не имел.

ческом отношении такое ограничение вполне оправдано, если иметь в виду обширность исследуемой темы и недостаточную изученность изафетных словосочетаний. В противном случае перед автором неизбежно встали бы новые проблемы.

В главе I «Изафет в турецком языке. (Предмет исследования и его границы)» (стр. 10—17) дается определение изафета: «Турецкий изафет представляет собой такое сочетание двух существительных, из которых одно, стоящее в родительном или неопределенном падеже, является определением и одновременно дополнением к другому — своему определяемому и одновременно дополняемому» (стр. 13). К этому определению нам придется вернуться ниже, после некоторого знакомства с типами «турецкого изафета», которые анализируются в главе IV (стр. 24—53).

Выделение трех типов изафета — 1) possessивного, двааффиксного изафета (сочетание существительного в род. падеже и второго существительного с местоименно-притяжательным, по терминологии нашего автора — «релятивным», аффиксом, например *kadın-ın şapka-sı* «шляпа женщины»), 2) релятивного, одноаффиксного изафета (сочетание существительного в неопределенном падеже и второго существительного с местоименно-притяжательным аффиксом, например *kadın şapka-sı* «женская шляпа»), 3) индентитивного, безаффиксного изафета (сочетание двух существительных с «нулевыми» морфологическими показателями, например *fötr şapka* «фетровая шляпа») (стр. 17) — в общем не расходится с общепринятым пониманием типов «турецкого изафета». Однако С. С. Майзель предложил очень систематичное обоснование означенных типов изафетных словосочетаний и группировку их, выделив множество разновидностей каждого типа в зависимости от содержания анализируемых словосочетаний.

Первый тип — possessивный — охватывает, по наблюдениям С. С. Майзеля, словосочетания, в которых предметно выражено понятие принадлежности (стр. 24—30). Второй тип изафета — сочетание существительного в неопределенном падеже с другим «существительным с местоименно-притяжательным аффиксом 3-го лица ед. числа — заключая в себе предметно выраженное отношение второго существительного к первому (стр. 30—43). В отличие от первого типа изафета здесь во всех случаях выражается не фактическая, а эвентуальная, потенциальная принадлежность; поскольку эвентуальная принадлежность может стать реальной, появляется обратимость этих двух типов изафета: *kadın şapkası* «женская шляпа» — *kadının şapkası* «шляпа женщины». Третий, так называемый индентитивный, безаффиксный тип изафетных словосочетаний заключает в себе, по словам С. С. Майзеля, качественно выраженное отношение одного существительного (в неопределенном падеже) к другому (также в неопределенном падеже) (стр. 43—53). Такого рода понимание изафетных словосочетаний и их классификация в известной степени, по-видимому, обусловлены влиянием в первую очередь синтаксических взглядов А. А. Шахматова.

В книге С. С. Майзеля рассматриваются подробно все перечисленные случаи изафетных словосочетаний, причем он, не ограничиваясь классификацией типов изафетных словосочетаний, переходит к рассмотрению их структурных особенностей. В небольших по объему главах изафет трактуется как «внутренний классификатор» (гл. III, стр. 18—23), анализируется с точки зрения отношения к категории лица (гл. V, стр. 54—58), зависимости форм «изафета» от определенности и неопределенности предмета (гл. VI, стр. 59—73); изафет рассматривается как в плане определения — определяемого и дополнения — дополняемого, так и в плане различий между изафетом и русским «приложением» (гл. VII, стр. 74—78 и VIII, стр. 79—86); исследуются вопросы употребления имен собственных в изафете (гл. IX, стр. 87—96), выражения агрибутивной категории члена изафета именами вещественными (гл. XI, стр. 97—102), выражения категории числа и места имени числительного в изафете (гл. XI, стр. 103—106 и XII, стр. 107—112), словообразования на основе изафетных словосочетаний (гл. XIII, стр. 113—122), состава, возможности инверсии и синтаксического усложнения изафетных словосочетаний (гл. XIV—XVII, стр. 123—142), выражения второго компонента изафета служебным именем (гл. XVIII, стр. 142—146), особенностей изафетных словосочетаний с отглагольными именами-мастерами (гл. XIX—XXIV, стр. 147—172), отличий изафетных словосочетаний в разговорном языке и фольклоре (гл. XXV, стр. 173—177), эволюции изафета и изменений в его структуре в современном турецком языке (гл. XXVI, стр. 178—184).

Уже из одного перечня затрагиваемых в книге С. С. Майзеля вопросов можно составить представление о широте, с которой он подошел к исследованию изафетных словосочетаний. Именно поэтому ему во многом удалось отойти от шаблона, увидеть новые стороны в изафетных словосочетаниях. Вместе с тем широкая постановка вопроса, вполне естественная, с большей глубиной обнаруживает неясные стороны, мимо которых нельзя пройти. В самом определении изафета как «сочетания двух существительных, из которых первое в родительном или неопределенном падеже является определением и одновременно дополнением к другому», С. С. Майзель как бы обособляет третий тип — «индентитивный, безаффиксный изафет». Правда, С. С. Майзель решительно распространяет свое определение и на этот тип, например в случае *fötr şapka* «фетровая шляпа», поскольку *şapka* является словом управляющим, а *fötr* — управляемым в силу обусловленности такой зависимости порядком слов (стр. 77).

Такого понимания в отношении типологически близких конструкций в адыгейском и кабардинском языках придерживался Н. Ф. Яковлев; он выделял «определительные дополнения», полагая, что по происхождению они «представляют собой тот общий член предложения, в котором определение и дополнение еще не были разграничены, дифференцированы друг от друга»¹. Различая в адыгейском оформленное дополнение, выражающее единичное или определенное значение [колхозы-и и-мылькы «колхоза (отдельного) (его) имущество»], и неопределенное дополнение, выражающее обобщенное значение [колхоз мылькы «(вообще) колхоза имущество, колхозное имущество»], Н. Ф. Яковлев предполагал при этом, что оформленное дополнение представляет собой дальнейшее развитие дополнения неопределенного².

Если признать, что приименное дополнение выражает отношение единичного предмета к единичному, а определение — общего к единичному, то можно усмотреть разницу в изафетных словосочетаниях в этом отношении, например в случае *bu kadının şapkası* «шляпа/ этой женщины» определение *bu* «этот, эта, это» в обычных условиях относится только к первому компоненту словосочетания, в случаях же *bu kadın şapkası* «это/женская шляпа» и *buşfür şapka* «это/фетровая шляпа» определение *bu* должно быть отнесено ко всему словосочетанию в целом, поскольку в последних двух случаях нет отношения единичного предмета к единичному, как в первом случае. Но весь вопрос в том, что во всех трех случаях первыми компонентами остаются имена существительные, выражающая соответственно принадлежность, относительность и качественность. В этом С. С. Майзель видел своего рода синкретизм дополнения и определения в изафетных словосочетаниях. Иными словами, в изафетных словосочетаниях признается исконность момента possessивности, а не атрибутивности. Вот почему С. С. Майзель признавал «неизафетным» словосочетание *komşu ev* «соседний дом», в отличие от *komşu evi* «соседский дом» (стр. 19). Можно, конечно, считать все это неправомерным, но сам С. С. Майзель исходил из того, что «любая часть речи, входящая в изафет, субстантивируется» и что, таким образом, «дифференциация предметности и качественности имен в турецком языке находит поддержку и точное средство проверки в изафете» (стр. 20—21).

С. С. Майзель подошел к изафетным словосочетаниям, так сказать, структурально, пытаясь прежде всего отграничить понятие изафета сочетаниями двух существительных. Прилагательное при сочетании с существительным (*uzun yol* «длинная дорога») изафета не образует. Не образует изафетных словосочетаний существительные, из которых второе имеет местоименно-притяжательный аффикс 1-го или 2-го лица ед. и мн. числа (*ser para-m* «мои карманные деньги», *ser para-n* «твои карманные деньги» и т. д.); это не относится к существительному с показателем 3-го лица — *ser parası* (*onun ser parası*) «его карманные деньги», так как предполагается, что в этом словосочетании «одни релятивный аффикс обслуживает два разных определения» (стр. 56). В то же время «изафетными» признаются сочетания числительных количественных с существительными (например, *iki masa* «два стола», *bin asker* «тысяча солдат»), ибо числительные количественные в турецком языке С. С. Майзель приравнивает к собирательным по значению (пара, пяток, сотня и т. д.), т. е. в конечном счете — к существительным (стр. 108). Это вполне согласуется с общей концепцией автора и его определенным изафетных словосочетаний.

Все в книге С. С. Майзеля бесспорно. В теоретическом отношении следует особо выделить недостаточное внимание автора к двум моментам: 1) лексико-семантической стороне изафетных словосочетаний и 2) исторической основе, исторически сложившимся формам образования изафетных словосочетаний. С. С. Майзель, несомненно, недооценивал лексико-семантические особенности изафетных словосочетаний, когда, например, случай *taş köprü* «каменный мост» (дословно: «камень-мост») рассматривал как изафет, где определение — имя вещественное, а определяемое — сделанный из него предмет (стр. 44), случай же *taş yürek* «камень-сердце» характеризовал как изафет, где определение означает имя вещественное, а определяемое — предмет, который с этим именем вещественным сравнивается (стр. 49). Он не учитывал, что метафоричность второго словосочетания делает это сочетание связанным, выражающим одно понятие — «каменное сердце, безжалостный (человек)» и т. п. Следовательно, граница между «предметностью» и «качественностью» существительных находится также в их лексико-семантических свойствах. Недостаточно убедительно обоснован в книге третий тип — «идентификтивный, безаффиксный изафет»; в частности, остается недоказанным положение, что в турецком языке, в с числительные количественные являются собирательными по своей природе.

По морфологическому признаку С. С. Майзель подразделял изафетные словосочетания на «двуаффиксные», «однаффиксные» и «безаффиксные». Между тем функции аффиксов нельзя рассматривать только внутри изафетных словосочетаний, устранив в данном случае всякую синтаксическую, так сказать, индивидуальность аффикса

¹ Н. Яковлев, Д. Ашхамаф, Грамматика адыгейского литературного языка, М.—Л., 1941, стр. 80.

² Там же, стр. 84.

род. падежа и местоименно-притяжательного (релятивного) аффикса. Нельзя прибегать к постоянному «примысливанию» «недостающих», «отпавших» и т. п. элементов словосочетаний (например, когда речь идет об «отпадении» местоименно-притяжательного аффикса 3-го лица при наличии тех же аффиксов 1-го и 2-го лица или в случае с «одноставным» изафетом и т. д.), если к тому нет убедительных данных. Без учета как лексико-семантических свойств имен, так и функций местоименно-притяжательных аффиксов нельзя уяснить внутреннюю связь типов изафетных словосочетаний, например: *taş köprü* «каменный мост» и *taş kömürü* «каменный уголь»; *şiş iğne* «вязальная спица» и *şiş kebabı* «шашлык»; *dağ eteği* «подножья (буквально: подол) горы» и *dağ topusı* «горная артиллерия»; *Barak efsanesi* «миф (относительно) Барака (длинношерстой собаки)» и *it başlı ulus efsanesi* «миф (относительно) собакоголового племени» и т. д. Здесь важно установить рамки возможной «относительности» имен. Но все это, видимо, проблемы сравнительно-исторического исследования изафетных словосочетаний.

Редактор снабдил книгу примечаниями, в которых кратко изложены возражения против ряда положений С. С. Майзея. Примечания эти сами по себе представляют большой интерес, но изложены они несколько безапелляционно, что вряд ли можно считать оправданным, поскольку еще очень многое остается неясным в вопросах, затрагиваемых в рецензируемой книге.

А. К. Боровко

Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках.— Тбилиси, 1956. 154 стр. (Ин-т языковедения АН Груз. ССР).

П. К. Услар совершенно правильно считал, что в структуре исследованных им северо-восточных горских языков важное место занимает система так называемых классов (грамматических родов). Поэтому свои грамматичи он начинает с описания классов. Классы отмечались и в абхазском языке. Но о классах в языках Закавказья лингвистика до недавнего времени не знала. Заслуга открытия классов в картвельских языках принадлежит акад. А. С. Чикобава. Ему удалось вскрыть в древнейшей структуре именных основ этих языков наличие морфологической категории человека и вещи, а также древнейшие окаменелые детерминативные суффиксы¹.

Во «Введении» к рецензируемой книге (стр. VIII) Г. В. Рогава говорит: «Данная работа является продолжением исследования именных (и глагольных) основ в адыгских языках. Дается анализ материала адыгских языков такого рода в сравнительно-историческом аспекте. Факты адыгских языков сравниваются с данными как близко родственных абхазского и убыхского языков, так и более отдаленно родственных других иберийско-кавказских языков».

Историческое изучение рассматриваемой древнейшей категории показывает, что с нею генетически связаны такие морфологические категории, как категория падежа, числа, лица, возникшие в иберийско-кавказских языках на последующих этапах их развития. Поскольку для всех иберийско-кавказских языков можно установить материальное единство показателей грамматической категории человека и вещи (экспонент класса человека — префикс *v-*, а класса вещей — *d-*, *b-*, *r-* и т. д. в большей части этих языков), позволительно сделать вывод, говорят Г. В. Рогава, что эта категория восходит к языку-основе иберийско-кавказской семьи, другие же морфологические категории возникли в процессе дальнейшего развития уже отдельных групп этих языков. Наличие же и даже в отдаленно родственных языках в отдельных случаях общего материала для выражения категорий, например, лица, числа, падежа (и при словообразовании), возникших после дифференциации языка-основы, автор находит возможным объяснить тем, что исходный морфологический инвентарь этого языка был использован и для названных выше морфологических категорий (стр. IX). Но это лишь предположение, а не объяснение, и мы можем принять его только как рабочую гипотезу.

В соответствии с указанными установочными положениями, Г. В. Рогава изложила добытых ею исследованием результатов делит на две большие главы: I. «Экспоненты грамматических категорий человека и вещи в адыгских языках» и II. «Детерминативные суффиксы в адыгских языках». К книге приложены: 1) указатель слов, ос-

¹ См. А р н. Ч и к о б а в а, Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь, Тбилиси, 1938; е о ж е, Древнейшая структура именных основ в картвельских языках, Тбилиси, 1942 на груз. языке; резюме на русск. языке. См. стр. 272—280). Этимология классных показателей дана также А. С. Чикобава в статье «Грамматические классы в истории картвельских языков и этимология классных показателей» («Сообщения АН Груз. ССР», т. V, № 4, 1944, стр. 453—454, на груз. языке).